
А. Д. СУХОВ

**А. Н. РАДИЩЕВ –
ФИЛОСОФ-МАТЕРИАЛИСТ***

24 сентября 2002 г. – 200-я годовщина со дня смерти Александра Николаевича Радищева. Радищев не только выдающийся мыслитель. Он – один из подвижников передовой части русского общества, национальная гордость России.

Наиболее замечательны две его книги – «Путешествие из Петербурга в Москву» и «О человеке, о его смертности и бессмертии». Поэтому, прежде чем рассматривать его мировоззрение, скажем немного о них.

«Путешествие из Петербурга в Москву» издано в 1790 г. в личной типографии небольшим тиражом (650 экз.). В книге критически изображено «чудище» – социально-экономический и политический строй России (крепостное право, самодержавие). В книге ведется речь и о том, что церковь и деспотизм служат одной цели, «союзно» гнетут общество: первая сковывает рассудок людей, второй подчиняет себе их волю. Произведение Радищева сразу же стало обретать не только друзей, но и врагов. О появившемся в продаже сочинении было доложено императрице, которая, как только принялась за чтение, приказала арестовать автора и водворить его в Петропавловскую крепость.

Еще не так давно, в 1773–1775 гг., империя была потрясена крестьянской войной; обе столицы, вернее, привилегированные сословия в них, пережили состояние, близкое к панике; против восставших были двинуты лучшие воинские части, приобретшие уже опыт в сражениях, привлечены боевые генералы, А. В. Суворов – в их числе. Тем не

* В приведенных цитатах сохранены орфография и пунктуация оригинала.

менее Екатерина II посчитала, что Радищев – «бунтовщик, хуже Пугачева»¹. Она нашла также, что идеи, изложенные в его книге, противны закону божию, священному писанию, христианству вообще и православию в частности².

Смертный приговор, вынесенный Радищеву палатой уголовного суда и утвержденный сенатом, императрица – по случаю мира со Швецией – заменила на ссылку в Илимск. Выпавшие невзгоды не сломили его. Уже по дороге к месту ссылки он задумал новое произведение, посвятив его одной из наиболее трудных для публичного рассмотрения в XVIII в. проблем – проблеме души. В Илимск Радищев прибыл 4 января 1792 г., а уже несколько дней спустя, 15 января, начал работу над книгой. Это был трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». В Илимске он был и закончен. Став впоследствии предметом историко-философского и литературоведческого изучения, трактат породил многочисленные догадки и предположения.

Высказывалось, в частности, такое мнение: «Объединение в одной книге противоречивых взглядов было попыткой примирения веры в бессмертие с учением материалистов»³. В других публикациях советских авторов говорилось о том, что Радищев «колебался» между материализмом и идеализмом.

В своей «Истории русской философии» В. В. Зеньковский пишет о том, что Радищев, несмотря на известные симпатии, которые он проявлял к мыслителям-материалистам, сам таковым не был. В своем же противопоставлении двух систем взглядов – за индивидуальное бессмертие или против него – «его симпатии склоняются в сторону положительного решения»⁴. Н. О. Лосский также считает, что Радищев придерживается того мнения о душе, что «она

¹ См.: Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 227.

² См.: Замечания Екатерины II на книгу А. Н. Радищева // Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М., Л., 1952. С. 160–164.

³ История русской литературы. Т. IV. М., Л., 1947. С. 556.

⁴ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 102.

бессмертна»⁵. Эти выводы Зеньковского и Лосского ныне тиражируются в различных изданиях. Один из последних примеров этого – «История русской философии», коллективная работа, вышедшая под грифом Института философии РАН в 1998 г. Здесь утверждается, что в своем философском трактате Радищев «выступает безусловным сторонником положительного решения вопроса о бессмертии души»⁶.

Дело в том, что трактат содержит взаимоисключающую информацию. В первой его части доказывается, что представление о бессмертии души не что иное, как воображение, сон, пустая мечта. Во второй же части приводятся доводы в пользу того, что отрицалось в предыдущей. Но трактат вовсе не так загадочен, как это может показаться на первый взгляд, и современниками такой метод подачи материала воспринимался не разнопланово, а вполне однозначно. Параллельным изложением противоположных по содержанию текстов пользовались различные авторы и до Радищева. Наряду с данным сочинением истории общественной и философской мысли известно немало других, подобных ему. К. Маркс еще в 1843 г. писал о произведениях, разнородных по своему составу, как об уловке, к которой прибегали все еретики. «Разве не был сожжён Ванини, – спрашивал Маркс, – несмотря на то, что он в своём «Театре мира», провозглашая атеизм, весьма старательно и красноречиво развивает при этом все аргументы, говорящие против атеизма? А разве Вольтер в своей книге «Библия, получившая, наконец, объяснение» не проповедует в тексте безверие, а в примечаниях защищает религию, – и верил ли кто-нибудь в очистительную силу этих примечаний?»⁷

В трактате Радищева читателю предоставлена возможность сделать выбор самому, присоединиться к той системе взглядов, которую он найдет более правдоподобной, ясной

⁵ Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994. С. 16.

⁶ История русской философии. М., 1998. С. 73.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 178.

и очевидной. Но ценность двух концепций, содержащихся в трактате, не является равнозначной. Изложенные здесь традиционные представления о душе были, в общем, достаточно хорошо известны и без того – по урокам закона божьего, регулярно читавшимся в церквах проповедям, постоянно издававшейся теологической и религиозно-философской литературе. Поэтому разделы трактата, повествующие о бессмертии души, вызывали совсем не тот интерес, чем те, которые его отвергали.

Можно, конечно, сделать предположение: что было бы, не содержи в себе трактат тривиальных включений? Ответ напрашивается сам собой. Публикацию его пришлось бы отложить лет на сто – где-то до 1906 г. (когда произошло ослабление цензурных запретов под влиянием первой русской революции). Между тем возможностью опубликовать трактат Радищев, безусловно, дорожил. Это – философская монография, созданию которой были посвящены все годы илимской ссылки, к работе над которой были привлечены многочисленные источники на различных языках, в которую было вложено немало творческих сил. Как это выяснилось вскоре, прием, использованный Радищевым при создании трактата, вполне оправдал себя. Временной промежуток между его написанием и публикацией оказался сравнительно небольшим. Трактат был напечатан в 1809 г., и те идеи его, которыми автор дорожил, стали достоянием читательской аудитории.

Нельзя не обратить внимание на то, что вторая половина трактата (кн. 3 и 4) наряду с религиозным, религиозно-философским и теологическим имеет и иной контекст. Здесь вкраплены замечания, реплики, в какой-то мере перечеркивающие приводимую аргументацию.

«О, возлюбленные мои, – пишет, например, автор в кн. 4-й, – я чувствую, что несуся в область догадок, и, увы, догадка не есть действительность⁸. По поводу местопребываний души в вечности, на которые указывает религия,

⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М., Л., 1941. С. 140–141.

Радищев высказывает там же такое мнение: «Почто искать нам рай, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно»⁹.

Для опровержения же взглядов о бессмертии души Радищев находил доказательства веские и неопровержимые, а приводя соображения на сей счет своих предшественников – материалистов, – оценивал их как убедительные, блестящие. А. С. Пушкин, прочитав трактат, пришел к выводу, что Радищев «охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма»¹⁰.

Хотелось бы отметить одно из стихотворений Радищева, предваряющее и предвосхищающее его философский трактат, поэтически решающее альтернативу: бессмертна или нет душа. Это – «Эпитафия», написанная в 1783 г. и посвященная скончавшейся жене:

*О! если то не ложно,
Что мы по смерти будем жить;
Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
Надеждой сей себя питая
И дни в тоске препровождая,
Я смерти жду, как брачна дня;
Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит маня,
И ненавистный рок отъял тебя на веки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки. –
Тронись, любезная! стенаниями друга,
Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
Явись хотя в мечте, утети тем супруга...¹¹*

В сочинениях Радищева бог отождествляется с природой, между ними можно поставить знак равенства. Он существует в законах природы и иначе проявить себя не мо-

⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 138.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. VII. Л., 1978. С. 244.

¹¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. I. С. 123.

жет. «Глас природы» – это и есть «начальный глас», «глас божества». Материалистически ориентированные деизм и пантеизм предельно сближаются с атеизмом. Радищев утверждает, что безбожник, отрицающий сотворение, но признающий природную закономерность, воздает богу большую хвалу, чем специально посвященные ему песнопения.

Идейно близки Радищеву и конкретные представители антирелигиозной мысли – Эпикур, Лукреций, В. Спиноза... В «Песне исторической» речь идет и об Анаксагоре.

*«Кой, сотрясиши предрассудок,
Тяжко бремя мглы священной
И светильником рассудка
Сонмы всех богов развеяв,
Первой стал среди вселенной,
Он дерзнул ее началу
Дать вину (т. е. причину. – А. С.) несусеверну»¹².*

Как и его предшественник – М. В. Ломоносов, Радищев воспринимает материю и движение в их единстве. Мир вечно существует и вечно движется. «... Ужели можешь сказать, что бездействие вещественности свойственно, и движение ей несродно? Когда все движется в природе и все живет, когда малейшая пылинка и тело огромнейшее подвержены переменам неизбежным, разрушению и паки сложению, ужели найдешь место бездействию и движение изымешь вон?»¹³ Подобный подход исключает какое-либо божественное вмешательство, пусть даже и в деистической его интерпретации. «И поистине, не напрасное ли умствование говорить о том, что могло быть до сотворения мира? Мы видим, он существует, и все движется; имеем право неоспоримое утверждать, что движение в мире существует, и оно есть свойство вещественности, ибо от нее неотступно»¹⁴.

¹² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 83.

¹³ Там же. Т. 2. С 81.

¹⁴ Там же.

Радищев пишет о том, что в ходе своей истории, особенно в новое время, человек воздвиг «пространное здание» науки; он проникает мыслью в отдаленнейшие пределы Вселенной, раскрывает тайны природы и устанавливает свойственные ей законы; он даже «дерзнул объять мыслью самого творца»¹⁵. Радищев подводит некоторые итоги предшествующих и современных ему религиозно-философских штудий, в том числе и своих собственных, затрагивающих понятие бога.

В работе «О добродетелях и награждениях», рассматривая вопрос о том, что человек не ограничился существующим, но дошел и до «пределов божественности», Радищев находит, что это одно из свойств человека, отличающее его от животного мира, – «свойство мечтать о несущественном (т. е. о несуществующем. – А. С.)»¹⁶.

В заключительном разделе «Путешествия» высказано соображение, что «истина есть высшее для нас божество, и если бы всемогущий восхотел изменить ее образ, являлся бы в ней, лице наше будет от него отвращено»¹⁷.

В 4-й кн. трактата мнения человеческие «о вышней силе» оцениваются таким образом: «Люди назвали ее богом, не имея о ней ясного понятия. Вот как разум человеческий бродит, ищет истину, но вся мудрость его, все глубокомыслие заключены в углу звука, из гортани его исходимо и на устах его умираемо»¹⁸.

По мнению Радищева, отрицание бога способно повлечь за собой определенные социальные последствия. Отказ от божественного предопределения, представления о том, что мир руководствуется божественными предначертаниями, может стать предпосылкой критического восприятия социальных порядков. Радищев, очевидно, имел в виду как общественный опыт, так и свой личный, когда писал, что тот, кто «нещадит бога», не пощадит и «незаконной власти». «Небо-

¹⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 60.

¹⁶ Там же. Т. 3. С. 28.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 390.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 132.

яйся громов всесильного, смеется виселице. Для того то вольность мыслей, правительствам страшна»¹⁹.

Наряду с богом религиозное сознание признает душу, которая переживает тело. Душа – древнейшее, изначальное религиозное представление, возникнув еще в первобытном обществе, оно сохраняется и во всех последующих. Есть религии без бога (образы богов появляются лишь на определенной стадии религиозного развития), но нет такой религии, которая обошлась бы без души. В монотеистических религиях, в том числе в христианской, представление это выполняет важнейшую социальную функцию. Вера в возмездие, которое неизбежно постигает душу «на том свете», направляет поведение верующих и на этом, позволяет, в частности, сдерживать социальный протест.

Радищев считает душу смертной. Доводы, которые приводит он в подтверждение этого, сводятся к следующему.

Если рассмотреть всю жизнь человека, от рождения его и до кончины, нетрудно будет заметить, что «чувственность и мысль», которые трактуются обычно, по мнению Радищева, как душа, претерпевают изменения. Вместе с совершенствованием телесной организации в процессе индивидуального развития совершенствуются и они, вслед за ее ослаблением переживают упадок, а при ее разрушении – конец. Некоторые заболевания или телесные повреждения сопровождаются расстройством и душевной деятельности. «О, душа, существо безвещественное! что ты и где ты? – пишет Радищев. – Если все доводы Эпикура, Лукреция и всех новых их последователей слабы будут на свержение твое с возмечтанного твоего престола, то желающий убедится в истинном ничтожестве своем найдет их в первой больнице в великом изобилии»²⁰. Радищев обращает внимание и на такие явления, как сон, обморок. «И как хочешь ты, – спрашивает он, – чтоб я почел душу твою существованностью, от тела твоего отделенною, веществом особым и

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 333.

²⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 94.

самим по себе, когда сон и обморок лишают ее того, что существо ее составляет»²¹.

Радищев не только отрицает бессмертие души – он объясняет, как появляется такое представление. Дух и вещь, которые в человеке «совокупны», произвольно разделяются. Свойство человека чувствовать и мыслить воспринимается как нечто совершенно отдельное от него самого. Складывается убеждение, что человек состоит «из двух существ» и что поэтому в мире «находятся существа разнородные»²².

При научной, материалистической трактовке души падает и представление об ином мире, куда она устремляется и где пребывает после смерти человека. Радищев пишет о том, что в различных религиях существуют различающиеся между собой в деталях «гипотезы» или «вымышления» о награждениях и наказаниях, которые воздаются душе на том свете. Суть их, однако, по мнению Радищева, едина: «... все одного суть свойства, бредни»²³.

Негативная оценка дается не только тем или иным элементам религии, но и религии как целостному явлению. Религия сравнивается с тьмой, ядом. Она – «священное суеверие», влекущее человека «в ярем порабощения и заблуждения»²⁴.

Религиозные представления складываются, считает Радищев, когда человека гонят «с лица земли» ужас, печаль, скорбь, становящиеся спутниками его повседневной жизни. Именно в этих условиях он взоры свои устремляет «за пределы» дней своих, ищет «прибежища превыше жизни»²⁵. Вступает в свои права фантазия, не контролируемая разумом. Происходит «уродливое сочетание» мыслей, воедино соединяются разнородные части действительности, чудесное воспринимается как реальность.

²¹ Там же.

²² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 73–74.

²³ Там же. С. 127.

²⁴ Там же. Т. 1. С. 356.

²⁵ Там же. Т. 2. С. 89.

Носитель религии – церковь. Свое рассуждение о ней Радищев начинает словами: «*К се у чудовище ужасно...*»²⁶

Он сравнивает ее со стоголовой гидрой, челюсти которой полны «отрав». Она

*Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит*²⁷.

Ее служители «были всегда изобретатели оков, которыми отягчался в разныя времена разум человеческий ... они подстригали ему крылие, да необратит полет свой к величию и свободе»²⁸.

Теория познания, которой руководствуется Радищев, материалистична. Мир материален, он существует помимо человека и независимо от него. Познается он при помощи органов чувств. Ощущение и мысль – свойства «вещественности», точнее – вещества «чувствующего и мыслящего». Где мысль живет и где ее источник? «В главе твоей, в мозгу: сему учит опыт ежечасный, ежемгновенный, всеобщий»²⁹.

Опыт – один из главных устоев радищевской теории познания: для нахождения действительных причин и побуждений необходимо обращаться к опыту, который ориентирует на факты, реальные движущие силы, имеющиеся в окружающем мире, на взаимодействие между предметами его.

Предваряя двойственность изложения, использованную в трактате, Радищев в самом начале его так напутствует читателя, помогая ему сделать правильный выбор: «Удалим от нас все предрассудки, все предубеждения и, водимые свечильником опытности, постараемся, во стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности»³⁰. Напоминает он об этом не раз и в ходе дальнейшего повествования. «О ум-

²⁶ Там же. Т. 1. С. 356.

²⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 356.

²⁸ Там же. С. 336.

²⁹ Там же. Т. 2. С. 84.

³⁰ Там же. С. 40.

ствователи! – пишет он, в частности, – держитесь опытности и пользу свою почерпайте из нее»³¹.

Теоретические положения и направляются опытом, жизненной практикой и проверяются через них.

Радищев, отдавая должное величественности разума и рассудка, подчеркивая, что человек «имеет силу» познавать мир, обращает внимание и на то, что он в своих умственных поисках нередко «уродствует, заблуждает». Даже целенаправленно стремясь к истине, он, прежде чем достичь ее, «бродит во тьме и заблуждениях, рождая нелепости, небылицу, чудовищей»³².

В трактате анализируются пути, ведущие к заблуждению, то, что сейчас мы назвали бы гносеологическими корнями его. Промахи могут возникать и на стадии чувственного восприятия, и в процессе мышления. «Тысячи тысяч вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие разума... Когда рассматриваешь действия разумных сил и определяешь правила, коим они следуют, то кажется ничего легче нет, как избежание заблуждения; но едва изгладил ты стезю своему рассудку, как вникают предубеждения, восстают страсти и, налетев стремительно на зыблющееся кормило разума человеческого, несут его паче сильнейших бурь по безднам заблуждения»³³.

Поэтому-то и является столь существенным тот критерий, который способен выявить истину и обеспечить познание действительности.

Согласно взглядам Радищева, весь мир переживает трансформации. В XVIII в. продолжают еще господствовать концепции, представляющие его в статике, неизменным. Но заявляют о себе и противники подобных установок – М. В. Ломоносов, Ж. Л. Л. Бюффон... Радищев – в их числе.

³¹ Там же. С. 82.

³² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 59.

³³ Там же. С. 61–62.

Он говорит о «шествии природы». Одни проявления ее сменяются другими. Но следуют они не просто друг за другом – одни из них порождаются другими. То, что существует в данное время, уже подготавливает иное, идущее ему на смену. Мысли эти Радищев обстоятельно развивает в своем трактате.

В письме из Илимска за 1794 г. он следующим образом формулирует свои размышления о превращениях, которые были испытаны Землей: «... мне казалось, что я вижу, как природа, медленная в своем поступательном движении, собрав все силы, сметает с поверхности земного шара всё явно устаревшее, и, сотрясая глубинные слои земли, представляет ее в совершенно новом обличи»³⁴.

Теоретический принцип о всеобщих переменных применим, по мнению Радищева, и к человеку. Его жизненный цикл, как это свойственно и всему, есть движение от одного состояния к другому. Сама жизнь рано или поздно заканчивается, наступает смерть. Эти противоположные состояния также «суть следствия одно другого, и можно сказать, когда природа человека производит, она ему готовит уже смерть»³⁵.

Исследования Радищева о жизни и смерти находились у начала изучения вопроса. В XIX столетии Ф. Энгельс, ставя эту проблему в «Диалектике природы», писал, что «отрицание жизни по существу содержится в самой жизни, так что жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, – смертью. Диалектическое понимание жизни именно к этому и сводится... Жить значит умирать»³⁶.

Главный аспект философского творчества Радищева и его сочинений – социальный.

За XVIII столетием утвердилось название – век Просвещения. Классической страной Просвещения стала Франция. Существовало оно и на других государственных

³⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 467.

³⁵ Там же. Т. 2. С. 100.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 610–611.

территориях. В 60-х гг. произошло оформление русского Просвещения. Но Радищев принадлежал к иному направлению общественной мысли, которое, как и Просвещение, было оппозиционно к продолжавшему господствовать феодализму. Радищев стал первым в России революционным демократом и – наряду с Ж. Ж. Руссо – самым выдающимся представителем революционной демократии XVIII в.

Просветители – идеологи поднимающейся и прогрессивной тогда буржуазии. Как показывает само название, они рассчитывали добиться назревших социальных перемен просвещением различных слоев общества. Просвещение должно было сопровождаться изменениями, которые исключали бы потрясения и эксцессы, осуществлялись бы через посредство реформ.

Революционная демократия – идеология угнетенного народа. Поскольку же еще и в XVIII в. самой значительной частью его являлось крестьянство, в революционной демократии и отразились в первую очередь его интересы и настроения. В ходе предстоящего социального противоборства революционные демократы предполагали использование различных средств. При осуществлении кардинальных перемен они не исключали и кардинальных методов.

О том, каким образом сможет народ добиться своего освобождения, Радищев пишет в оде «Вольность»:

*Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит...*³⁷

Радищев убежден, что строй, основанный, на насилии и угнетении, не может быть оправдан. Срок его гибели приближается.

«Уже время вознесши косу, ждет часа удобности...»³⁸
Предстоящие события вполне поддаются прогнозированию. «Поток загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние»³⁹.

³⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 5.

³⁸ Там же. С. 320.

³⁹ Там же.

Радищев отвечает и на вопрос о том, что же непосредственно предшествует социальному протесту, принимающему бурную форму, что дает толчок осуществляющим его силам. Он считает, что это происходит не от велений разума и не от чьих-то «советов», «но от самой тяжести порабощения»⁴⁰. Этими словами завершает Радищев главу «Медное» своего «Путешествия».

О том же писал он и в «Житии Федора Васильевича Ушакова», которое было опубликовано годом ранее «Путешествия». В 1789 г. Радищев обращает внимание на то, что народ долго и терпеливо сносит выпадающие ему на долю социальные невзгоды. Но верхам все же не следовало бы доводить его «до крайности». Этого-то притеснители «не разумеют». Опасности, проистекающие для них от этого, они, даже находясь на краю гибели, «зрят всегда в отдаленности»⁴¹. «Пребуди благое неведение всецело, – иронизирует Радищев, – пребуди нерушимо до скончания века, в тебе почил сохранность страждущего общества. Да не дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчезнет помышляяй о сем, и умрет в семени до рождения своего»⁴².

Слова Радищева напоминают то, что было сказано Ф. Энгельсом спустя столетие, в 1893 г. Энгельс итожил опыт всех освободительных движений, в том числе и XIX в., давший ему обильный материал для социальных выводов. Положение, сформулированное Энгельсом, – составная часть той материалистической трактовки общества, которая была произведена им совместно с К. Марксом. «... Мы, люди, – писал Энгельс, – к несчастью, так глупы, что никак не можем найти в себе мужества осуществить действительный прогресс, если нас к этому не принудят страдания, которые представляются почти непомерными»⁴³.

⁴⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 352.

⁴¹ Там же. С. 167.

⁴² Там же

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 35.

В конечной победе над угнетателями и притеснителями Радищев не сомневается. Его мысленный взор обращен «К престолу, где народ возсел...»⁴⁴.

Он предвидит, как человечество, пребывающее в оковах, двинется – в надежде обрести свободу. Власть будет приведена в трепет и развеяна. Радищев приветствует грядущее совершиться событие: «О день избраннейший всех дней!»⁴⁵

Он далек от того, чтобы уповать на перемены, производимые сверху. Но это не значит, что он отрицал значимость общественных реформ. Радищев не ограничивал общественный прогресс одними лишь кардинальными переворотами и радикальными мерами. В главе «Хотиллов» «Путешествия» он знакомит с проектом, который, по словам ведущего повествование путешественника, был написан его искренним другом. В проекте предлагается ряд мер, призванных постепенно ограничивать, ослаблять, изживать существующее в стране рабство и, в конечном счете, совершенно уничтожить его. В литературе высказывалось обоснованное предположение, что если бы во влиятельной политической среде возникла законодательная инициатива, призванная реформировать российское общество, то Радищев поддержал бы ее⁴⁶. Он и сам пытался инициировать реформаторскую деятельность, хотя и безуспешно, когда, после возвращения в Петербург, работал в комиссии по составлению законов.

Из истории известно, что крепостное право в западных странах Европы было упразднено законодательными мерами еще в средние века. Последующие события русской истории показали, что подобное было возможно и в России. Но, разумеется, эти меры, как и вообще реформирования общества, не делают еще его историю полной. В ней предусмотрено место и для революционных бурь.

⁴⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 358.

⁴⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 362.

⁴⁶ См.: Старцев А. И. Радищев. Годы испытаний: Очерки. М., 1990. С. 330–331.

Народ, масса и личность – еще одна проблема, поднятая Радищевым. Когда и как выдвигаются деятели, выполняющие в истории видную роль? Случайно ли это происходит? Радищев утверждает, что нет. Он говорит, что только в том случае, если обстоятельства благоприятствуют великому дарованию, оно раскроется и проявит себя. Природа никогда «не коснеет», производя задатки, но когда подходящих условий нет, они так и остаются невыявленными.

Радищев приводит поясняющие примеры. Чингис и С. Разин были бы совсем не теми, какими их знает история, при других внешних положениях. Александр Македонский, изменись место и время, оказался бы, пожалуй, уголовным типом. Кромвель явился миру как великий политический деятель и полководец. Но если бы не события тех лет, которые выдвинули его в протекторы, он, возможно, став монахом, прослыл бы в кругу монастырской братии всего лишь беспокойным мечтателем.

Итак, обстоятельства делают личность. И нужно, чтобы они ей содействовали, не были враждебны, «а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается»⁴⁷. Но и подобные выступления не были напрасны. Новые слова, сказанные людям, рано или поздно получают отзвук, приближают будущее.

Предсказывая предстоящую победу тех, кто ныне унижен и угнетен, Радищев говорил: «... я зрю сквозь целое столетие»⁴⁸. По его словам, конец той горестной участи, которой подвержены многие миллионы, «сокрыт еще от взора и внучат моих»⁴⁹.

Публикуя «Путешествие», Радищев не рассчитывал на то, что оно произведет сиюминутное воздействие на значительные слои общества, даст немедленный политический результат. И удар судьбы, постигший его в связи с публикацией, не был для него неожиданным. В книге его есть

⁴⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 129.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 369.

⁴⁹ Там же. С. 379.

такие строки: «Небойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты проживешь на памяти благородных душ, до скончания веков. Убойся заранее, именовать благоразумием, слабость в деяниях, сего первого добродетели врага»⁵⁰. И далее: «Недостойны разве признательности мужественныя писатели, возстающие на губительство и всесилие, для того, что немогли избавить человечества из оков и пленения?»⁵¹

Верхи общества и их идеологи (да и многие из тех, которые считаются передовыми) не верили, что простой народ сможет сам вершить свои судьбы, выдвинуть из своей среды руководителей, которые способны были бы вести общественные дела по-новому. Когда крестьянская война 1773 – 1775 гг. окончилась, правительство старалось выяснить, не было ли в руководстве повстанцев представителей высшего сословия, русских или зарубежных⁵². Им трудно было поверить, что низы выдвинули таких организаторов и полководцев, которые не раз выказывали превосходство над профессионалами из числа императорских военачальников и бюрократов.

Радищев знал о большом потенциале, содержащемся в крестьянском движении, современником которого он стал. Он не сомневался в том, что и в будущем, когда в этом появится потребность, такие вожди народа, «великие мужи», появятся. Они заступят место «избитаго племени», но будут «других о себе мыслей и права угнетения лишены»⁵³.

Во времена Радищева в религиоведении получила господство так называемая теория обмана, идеалистически (и упрощенно) объясняющая становление и существование религии.

⁵⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 293.

⁵¹ Там же. С. 391.

⁵² См.: Буганов В. Пугачев. М., 1984. С. 366–372.

⁵³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 368.

Еще у средневековых вольнодумцев сложилось и получило хождение представление о том, что три религии, имеющие многочисленных приверженцев, христианство, ислам, иудаизм, являются результатом деятельности трех обманщиков – Христа, Мухаммеда, Моисея. Просветители же XVIII в. распространили этот взгляд на все религии вообще, не делая на этот счет никаких исключений.

Радищев и здесь проявил себя материалистом. Его суждений об истоках религии мы уже касались. Они вполне научны, хотя, с точки зрения позднейшего религиоведения, и неполны. Для теории же обмана у него не нашлось места.

Во времена Французской революции раздавались голоса о необходимости запретить религию. В государственном масштабе осуществлялась акция «дехристианизации».

Радищев считал, что для изживания предрассудков и суеверий, в том числе и религиозных, не нужны преследования. Наука не должна так поступать с религией, как та поступала с ней. «... Не смешно ли бы было, чтобы истина приняла жезл гонения на суеверие? чтоб истина искала на поражение заблуждения, опоры власти и меча, когда вид ее один, есть наижесточайший бичь на заблуждение?»⁵⁴

Позже Ф. Энгельс скажет, что «преследования – наилучшее средство укрепить нежелательные убеждения» и что «единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу, – это провозгласить атеизм принудительным символом веры...»⁵⁵

Подводя итог всему изложенному выше, можно сказать, что Радищев отвоевал для материализма значительное теоретическое пространство. И не только в области философского понимания природы и сознания, но также и в сфере социальной философии.

⁵⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 337.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 514.